

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Сигал К. Я. Вербальное сообщение и пунктуационное маркирование в их функциональных взаимоотношениях / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 115—136. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-115-136.

Seagal, K. Ya. (2025). Verbal Message and Punctuation Marking in Their Functional Interrelationships. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 115-136. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-115-136. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Вербальное сообщение и пунктуационное маркирование в их функциональных взаимоотношениях

Сигал Кирилл Яковлевич
orcid.org/0000-0001-9400-4587
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
отдел экспериментальных
исследований речи
kjseagal@yandex.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Verbal Message and Punctuation Marking in Their Functional Interrelationships

Kirill Ya. Seagal
orcid.org/0000-0001-9400-4587
Doctor of Philology,
Chief research scientist,
Department of Experimental
Speech Research
kjseagal@yandex.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предлагается описание типов функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования в сфере индивидуально-авторских пунктуационных практик носителей русского языка с конца XVIII до начала XXI веков. В качестве материала для исследования использованы пунктуационно-графические факты, обнаруженные преимущественно в художественных (прозаических и поэтических) и научных текстах. Актуальность исследования заключается в том, что разные типы функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования нуждаются в представлении на единой концептуальной основе — информационной. Показано, что в письменной речи сложились три таких типа: вербальное сообщение с пунктуационным маркированием, вербальное сообщение без пунктуационного маркирования и пунктуационное маркирование без вербального сообщения. Доказано, что их дифференциация обусловлена различным распределением в письменных высказываниях основной информации, передаваемой вербальными средствами, и дополнительной информации, выражаемой посредством пунктуационных маркеров. Сделан вывод о том, что при смысловой интерпретации письменных высказываний, намеренно лишенных знаков препинания либо составленных только из знаков препинания, в качестве фона чаще всего выступают подразумеваемые вербальные сообщения с пунктуационным маркированием.

Ключевые слова:

авторская пунктуация; вербальное сообщение; письменная речь; стилистика; пунктуационное маркирование; художественный текст.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study presents a description of the types of functional interrelationships between verbal messages and punctuation marking within the context of individual authorial punctuation practices among Russian speakers from the late 18th to the early 21st century. The research material comprises punctuation and graphic facts predominantly found in literary (both prose and poetry) and scientific texts. The relevance of this study lies in the necessity to represent various types of functional interrelationships between verbal messages and punctuation marking on a unified conceptual basis — namely, informational. It is demonstrated that three such types have emerged in written discourse: verbal message with punctuation marking, verbal message without punctuation marking, and punctuation marking without a verbal message. The differentiation among these types is shown to be conditioned by the varying distribution of primary information conveyed through verbal means and additional information expressed via punctuation markers within written statements. The conclusion drawn indicates that, when semantically interpreting written statements deliberately devoid of punctuation or composed solely of punctuation marks, the implied verbal messages with punctuation marking frequently serve as the background.

Key words:

authorial punctuation; verbal message; written discourse; stylistics; punctuation marking; literary text.

УДК 811.161.1'367+003.086

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-115-136

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Вербальное сообщение и пунктуационное маркирование в их функциональных взаимоотношениях

© Сигал К. Я., 2025

*К 125-летию со дня рождения
профессора А. А. Реформатского*

1. Введение = Introduction

В генетическом плане пунктуационное маркирование и вербальное сообщение, то есть письменное высказывание (от однословного предложения до целого текста) в его грамматико-смысловой завершенности, не составляли конвенционального единства: пунктуации как таковой долгое время не было. Главной предпосылкой для возникновения средств пунктуационного маркирования стало отображение на письме пробелов как сигналов сегментации вербального сообщения [Saenger, 1997]. Разнокачественность пробелов и возможность графического представления в них неоднородной информации привели к созданию пунктуации как особой «оптико-графической» системы знаков внеалфавитного типа [Реформатский, 1963, с. 211].

В функциональном плане вербальное сообщение, продуцирование которого требует соблюдения тех или иных пунктуационных прескрипций, необходимо включает в себя знаки препинания как графические «ингредиенты». При этом не только достигается конвенциональное единство пунктуационного маркирования с вербальным сообщением, но и появляется некоторая деактуализация, отчуждение собственно пунктуационного маркирования как формы означивания. Между тем «знаки (препинания. — К. С.) не только членят текст, но сами несут в себе информацию» [Валгина, 2004, с. 150], причем «коммуникативный потенциал пунктуации <...> основан на сопутствующем знании (on collateral knowledge) и, следовательно, на коннотациях» [Patt, 2013, p. 65].

Совместное функционирование вербального сообщения и пунктуационного маркирования обусловило взаимоотражение их сущностных черт: с одной стороны, формально-конструктивные и семантические особенности высказываний осознаются как пунктуационные позиции, причем

«независимо от того, маркированы ли они специальными графическими знаками или нет» [Кольцова, 2006, с. 30]; с другой же стороны, пунктуационные прескрипции опираются на те условия строения и смысловой организации высказываний, при которых требуется или не требуется использовать тот или иной знак препинания. На данной основе в письменной речевой деятельности (большей частью, безусловно, у художников слова) возникла тенденция к автономизации как вербального сообщения, так и пунктуационного маркирования.

Во многом благодаря этому в письменно-речевом узусе появились такие пунктуационные новообразования, как топологические маркеры, в частности пробел, в котором намеренно не поставлен конкретный знак препинания; замещение высказываний конечными знаками препинания (кроме точки, а также многоточия, не входящего в состав комплексного пунктуационного маркера); развертка сообщений, состоящих только из знаков препинания, то есть текстов без вербальной основы. Более приемлемым стало авторское пунктуационное маркирование, создающее визуальный «акцент» на коммуникативно значимых компонентах вербальных сообщений. Самым важным последствием можно считать, пожалуй, то, что пишущими (и — вслед за ними — читающими) была признана неединственность функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования.

Целью настоящей статьи является описание типов функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования.

Актуальность исследования состоит в том, что проблема функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования (пунктуация же представляет собой «невербальное свойство на графическом уровне (a nonverbal property at the graphical level)» [Patt, 2013, p. 60]) связана с такой фундаментальной проблемой современной лингвистики, как корреляция вербального с невербальным в дискурсе, а также в том, что разные типы взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования нуждаются в представлении на единой концептуальной основе — информационной.

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней эксплицирована типология функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования, сложившаяся в сфере индивидуально-авторских пунктуационных практик.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Очевидно, что для исследования типов функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования требует-

ся такой письменно-речевой материал, в котором находит отображение метаязыковая рефлексия над пунктуацией, то есть осмысленное, намеренное, целесообразное использование знаков препинания. Это оказывается возможным только тогда, когда пунктуационный способ сигнификации разнообразной информации (от чисто структурной до экспрессивно-игровой) становится достоянием языковой способности пишущих и читающих.

Общепринятым является представление, согласно которому русская пунктуация «к началу XIX века (точнее сказать, к концу XVIII века. — К. С.) в основных своих чертах сложилась <...> как дополнительная семиотическая система, используемая в письменной речи» [Шубина, 2006, с. 17—18]. Поэтому в качестве материала были использованы пунктуационно-графические факты из русской письменной речи конца XVIII — начала XXI веков, обнаруженные преимущественно в художественных (прозаических и поэтических) и научных текстах. Попутно стоит заметить, что все эти прецеденты допустимы и, более того, реально представлены в текстах на других европейских языках. По-видимому, типы функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования являются своеобразными универсалиями.

Проблема функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования не может быть решена при ограничении эмпирического объема пунктуации исключительно знаками препинания. Письменно-речевая практика свидетельствует о правоте А. А. Реформатского, который настаивал на том, что «к пунктуации надо отнести не только “знаки препинания”, но и пробелы, абзацы, приемы расположения текста на плоскости <...>, а также и различные графические приемы шрифтовых выделений» [Реформатский, 1963, с. 214]. В анализируемом речевом материале содержатся не только знаки препинания, но и другие разновидности пунктуационных явлений. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что пробел сам по себе, то есть без учета условий его реализации, не может быть безоговорочно отнесен к пунктуационным маркерам.

Все рассматриваемые случаи пунктуационного маркирования и отказа от него принадлежат авторской пунктуации. При этом они не всецело субъективны, поскольку, во-первых, в них опосредуются так или иначе действующие пунктуационные прескрипции, а во-вторых, некоторым из них оказался открыт путь к стабилизации и даже к закреплению в общем или в поэтическом пунктуационном узусе.

В ходе исследования типов функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования применялись такие методы, как установление пунктуационной аналогии, пунктуационный эксперимент в виде опущения и подстановки знака препинания, обнару-

жение смысловой дифференциации вариантов пунктуационного маркирования, стилистический анализ знаков препинания либо их отсутствия как фактора организации текста (или его фрагмента).

Подступы к проблеме типов функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования осуществлены в ряде трудов, посвященных теории пунктуации [Богоявленская, 2021; Кольцова, 2006; Садченко, 2009; Patt, 2013]. Ценные наблюдения сделаны над употреблением вербальных сообщений без знаков препинания [Валгина, 2004, с. 242—252; Николина, 2009, с. 272—292]. Пристальное внимание уделяется проблеме «графически инновационного текста (graphically innovative text)» [Barton, 2016, р. 18], в частности визуальным эффектам в поэзии, опирающимся на пунктуационно-графические средства [Bohn, 2011]. Однако никогда прежде типы функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования не осмыслялись в их единстве, как разные способы распределения информации.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Типы функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования

В словоцентричной русской письменно-речевой культуре считается, что «там, где нет вербальных элементов, нет и текста» [Мурзин и др., 1991, с. 23]. В общем случае это верно (ср., однако, сообщения, состоящие только из знаков препинания). В большинстве письменных высказываний вербальное сообщение «обрамлено» и «прошито» пунктуационными, то есть невербальными, маркерами. Здесь «невербальные средства находятся с вербальными <...> в отношениях взаимной дополнительности» [Садченко, 2009, с. 42], поскольку вербальное сообщение и пунктуационное маркирование дифференцированы с информационной точки зрения.

В общем плане под информацией понимается «снятие неопределенности в каком-либо сообщении» [Гальперин, 2005, с. 23].

Вербальное сообщение передает основную информацию во всем ее разнообразии: фактуально-событийную, грамматико-реляционную, модальную, оценочную, эмоциональную. Пунктуационное маркирование несет дополнительную информацию о делимитации / интеграции вербальных элементов, а также выполняет смыслоуказательную, смыслоакцентирующую и смысловразличительную функции. Кроме того, пунктуационное маркирование содействует выдвиганию экспрессивности и объективации подтекста.

Более конкретизированная информационная «нагрузка» пунктуационного маркирования имеет отраженный характер: она обусловлена содержанием вербального сообщения. При этом почти за каждым знаком

препинания тянется «шлейф» образно-символических истолкований. Применительно к пунктуационному маркированию можно утверждать, что, «передавая определенную информацию», оно образует «свой смысловой код и свой дополнительный канал связи» [Богоявленская, 2021, с. 81]. Вследствие этого, «сочетаясь с вербальными средствами выражения, знаки (препинания. — К. С.) способны повышать эффективность сообщения» [Валгина, 2004, с. 150].

В письменных высказываниях существуют два способа функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования: взаимодействие и взаимоотталкивание. При взаимодействии наличествуют как вербальное сообщение, так и пунктуационное маркирование, вместе участвующие в передаче информации. При взаимоотталкивании же имеется либо вербальное сообщение, либо пунктуационное маркирование, каждое из которых передает информацию за счет собственных средств.

На этой основе возникли три типа функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования, такие как вербальное сообщение с пунктуационным маркированием, вербальное сообщение без пунктуационного маркирования и пунктуационное маркирование без вербального сообщения.

Несмотря на нахождение этих типов в общей таксономии, они далеко не в равной мере являются узואльно приемлемыми. Если вербальное сообщение с пунктуационным маркированием представлено повсеместно в письменной речи и в школьные годы осваивается именно этот тип, то остальные два типа запечатлены в основном в речи художников слова и воспринимаются как особые экспериментально-графические приемы.

Вербальное сообщение с пунктуационным маркированием образует прототипическое письменное высказывание. В этом типе информация, которую несут пунктуационные средства, «способствует реализации <...> языковых знаков в форме (in the mediums of) речи и письма» [Patt, 2013, р. 58—59]. В то же время степень достаточности информации, передаваемой вербальными средствами, определяет необходимость в пунктуационных маркерах. Важно отметить, что все пунктуационные прескрипции выработывались в ходе наблюдений именно над вербальными сообщениями с пунктуационным маркированием и были рассчитаны на них.

Осуществление этих прескрипций, необходимое для стандартизации письма, приводило к забвению того, что в данном типе «знаки (препинания. — К. С.) несут информацию вместе с вербальными средствами» [Валгина, 2004, с. 157]. Вовсе не случайно то, что в рамках вербальных сообщений с пунктуационным маркированием зародилась авторская пунктуация,

которая путем преодоления тех или иных пунктуационных прескрипций обеспечивает разного рода модифицирование основной информации.

В вербальном сообщении без пунктуационного маркирования (в иной терминологии — «беспунктуационный текст» [Николина, 2009, с. 275], «текст без знаков препинания» [Валгина, 2004, с. 248]), на первый взгляд, нет и не может быть какой бы то ни было дополнительной информации, передающейся посредством знаков препинания. Между тем информационный «вклад» отсутствующих знаков препинания компенсируется в определенной мере пунктуационными позициями, сохраняющимися в вербальном сообщении. «Не замещенные, не маркированные знаками препинания позиции системно представлены и исправно выполняют свои функции, поскольку непосредственно связаны со смыслами <...>» [Кольцова, 2006, с. 31].

Именно поэтому в данном типе в качестве аналогов пунктуационных маркеров выступают пробелы и пропуски знака конца высказывания. Намеренно отказываясь от привычных знаков препинания (в особенности от запятых и точек), пишущие применяют здесь такие типографские в своих истоках графические средства, как, например, одинарный / двойной вертикальный пробел, создают визуально-графические фигуры. При этом необходимо подчеркнуть, что само отсутствие пунктуационного маркирования способно приобретать информационную значимость, представляя в визуальном регистре убыстренную речь.

Для реализации пунктуационного маркирования без вербального сообщения, когда устранена основная информация, ради передачи которой продуцируется высказывание, требуется соблюдение двух условий. Во-первых, значения знаков препинания, принимающих на себя функцию «самостоятельного (без вербального сопровождения) сигнала смысла», должны быть «социально осмысленными» [Валгина, 2004, с. 157]. Во-вторых, такие знаки препинания должны иметь возможность получить контекстную компенсацию основной информацией, которая выводится из окружающих вербальных сообщений.

Гораздо реже сообщение, состоящее только из знаков препинания, строится с той целью, чтобы концентрированно представить чьи-либо пунктуационные пристрастия. В таком случае нужна мнемическая отсылка не столько к вербальным сообщениям, сколько к характерному их пунктуационному маркированию. Подобные собственно пунктуационные сообщения возникают обычно в текстах с метаязыковой установкой.

3.2. Вербальное сообщение с пунктуационным маркированием

Участие пунктуационного маркирования в передаче информации наиболее ощутимо в тех вербальных сообщениях, в которых знак препинания не предусмотрен пунктуационной прескрипцией. В таких случаях не про-

сто необычно ставится знак препинания, а открывается еще одна пунктуационная позиция. Тем самым благодаря знакам препинания опосредуется намерение пишущего отображать дополнительную информацию разного рода.

Так, в узусе граница между подлежащим номинативного типа и финитным глаголом-сказуемым обычно не осознается как особая пунктуационная позиция и, соответственно, не маркируется одним из разделительных знаков препинания. Напротив, отдельные пишущие, в том числе писатели и ученые, употребляя здесь целый ряд пунктуационных маркеров, вычленивают такую пунктуационную позицию и как бы выдвигают те «кванты» информации, на которые можно было бы указать в ней.

В пунктуационном аспекте конструкция номинативного подлежащего и финитного глагола-сказуемого выглядит парадоксально. С одной стороны, ее компоненты расчленены предикативной паузой, которую можно было бы маркировать знаком препинания. С другой стороны, предикативное согласование удерживает от разделения посредством знака препинания компонентов, вступающих в эту синтаксическую связь. Очевидно, что для «снятия» подобного парадокса было необходимо учесть ту необязательную для самой конструкции информацию, которую обозначают пунктуационным способом.

В приводимых далее прецедентах номинативное подлежащее выражается именем существительным, субстантиватом, анафорическим личным местоимением, количественно-именным словосочетанием, а финитный глагол выполняет функцию простого глагольного сказуемого.

Запятая была первым знаком препинания, который начал употребляться в позиции между номинативным подлежащим и финитным глаголом-сказуемым. Постановка запятой, вызванная здесь «интонационно-риторическими параметрами высказывания», наблюдалась вплоть до первой трети XIX века [Орехова, 2000, с. 49, 66] (ср. аналогичное явление в английском языке XIX века [Smitterberg, 2020]). Однако это отнюдь не пунктуационный архаизм: запятая отмечается в названной пунктуационной позиции и в первые десятилетия XXI века [Кузнецова, 2017, с. 14].

Л. В. Щерба обращал внимание на то, что «школьные учебники вынуждены даже специально утверждать, что сказуемое никогда не может быть отделяемо запятой от своего подлежащего» [Щерба, 1974, с. 242]. Показательно, что ни наличие такого запрета в дореволюционный период, ни его отсутствие в нынешнее время [Кузнецова, 2017, с. 15] не оказало существенного влияния на пунктуационную практику: запятая между номинативным подлежащим и финитным глаголом-сказуемым то и дело встречается как в художественных, так и в научных текстах.

В данной позиции пунктуационное маркирование посредством запятой наблюдается в двух основных случаях. Во-первых, если номинативное подлежащее и финитный глагол-сказуемое образуют сложные составы словосочетательного типа: *Оценки художественного текста с точки зрения критериев правдивости, новизны и типичности образов, зависят от непосредственного сопоставления с прошлым опытом* (О. И. Никифорова. Психология восприятия художественной литературы) [Ник, с. 113]. Во-вторых, если номинативное подлежащее или финитный глагол-сказуемое представлены однородными членами предложения: *Невзрачный подросток, сирота, бабушкин внук, студент, юнкер, гвардеец и пехотинец, работал над собой и своими произведениями* (А. Позов. Метафизика Лермонтова) [Поз, с. 9]; *Три барышни с фиолетовыми губами, то на машинках громко стучат, то курыт* (М. А. Булгаков. Записки на манжетах) [Бул, с. 479].

В обоих случаях запятая несет информацию о синтагматической отдаленности предикативных компонентов друг от друга, а также о паузе на границе их составов. Правда, информационная «нагрузка» этой запятой может быть связана и с семантикой высказывания. Согласно М. Бертуцчелли, в английском высказывании *Sylvia, is playing the piano* ‘Сильвия, играет на пианино’ запятая после подлежащего могла бы быть «оптимальной с коммуникативной точки зрения: говорящий подразумевает, что именно Сильвия играет на пианино, а не кто-то другой» [Bertuccelli, 2022, р. 26]. Такого рода употребления непосредственно представлены в русских текстах. Ср.: — *И Озеров этот, трепется и трепется...* (В. Г. Сорокин. Очередь) [Сор, с. 195].

Более привычным в позиции между номинативным подлежащим и финитным глаголом-сказуемым кажется такой знак препинания, как тире (ср. нормативную постановку тире при номинативе и / или инфинитиве в функции подлежащего и бессвязочного сказуемого). Несмотря на то, что в этой пунктуационной позиции тире не является узуальным, оно вряд ли может быть безоговорочно отнесено к авторским знакам препинания. Дело в том, что «тире воспринимается как сигнал коммуникативной расчлененности высказывания» [Шубина, 2006, с. 139]: для него «в графическом противопоставлении темы и ремы» вовсе не существенны «условия, связанные с конструктивной стороной» [Кольцова, 2006, с. 53].

Наряду с указанием об отделении ремы от темы, тире дает также указание о постановке смыслового акцента либо только на реме: *...вы и представить себе не можете, до чего для себя отдельны камни и воды, для них нет целого! <...> Но целое-то — есть!* (А. Г. Битов. Человек в пейзаже) [Бит, с. 388]; либо как на теме, так и на реме: *Один раз я присутствовала на встрече с маститым автором. «Изданная книга ничего не меняет», —*

снисходительно сообщил он публике. «Наверное, он все-таки не имеет в виду первую книгу», — подумала я тогда. **Первая — меняет**, и еще как! (Ю. Н. Кузнецова. Как я пишу) [Куз, с. 152].

Наоборот, менее характерно в позиции между номинативным подлежащим и финитным глаголом-сказуемым многоточие, а такие пунктуационные маркеры, как двоеточие и восклицательный знак, и вовсе раритетны.

Многоточие обозначает, с одной стороны, паузу, как бы остановку в поиске нужного предиката, а с другой стороны, субъективно-модальные оттенки удивления, разочарования и т. п. Ср.: *Едва слышав имя моей сестры, они* (взрослые. — К. С.) ... *то ли бесшумно прыснули, то ли беззвучно фыркнули* <...> (Н. Н. Матвеева. Мяч, оставшийся в небе) [Мат, с. 86].

Двоеточие выполняет свойственную ему предупредительную функцию. Ср. в контексте с препозицией сказуемого: *Аполлон Аполлонович прицеливался к текущему деловому дню; во мгновение ока отчетливо перед ним восставали: доклады вчерашнего дня* <...> (А. Белый. Петербург) [Бел-2, с. 32].

Восклицательный знак, будучи перенесенным в середину высказывания, передает экспрессивно-акцентирующую информацию. Ср.: *Вот же она* (мысль. — К. С.)! *опять утекла* (А. Г. Битов. Вкус) [Бит, с. 334]. При этом восклицательный знак (фактически это не что иное, как восклицательная запятая) не вызывает написания следующего за ним слова с прописной буквы. По своему контекстному смыслу восклицательный знак подобен у А. Г. Битова противительному союзу. Ср.: *Вот же мысль, но опять <она> утекла* (трансформ).

3.3. Вербальное сообщение без пунктуационного маркирования

В вербальных сообщениях без пунктуационного маркирования на информационную «нагрузку», выполняемую знаками препинания, обычно указывают пунктуационные позиции, обозначенные пробелами и пропусками знака конца высказывания. Чаще всего читающий без труда может восстановить знаки препинания в таких сообщениях, однако существенно, что отсутствие в них пунктуационного маркирования является результатом сознательного, интенционально обусловленного полного / частично отказа пишущего от знаков препинания. По сути дела, это «авторский <...> прием» [Валгина, 2004, с. 244] литературно-художественной речи, по-разному использующийся в поэзии и в прозе.

В поэзии воздержание от знаков препинания, которое восходит к первому полностью беспунктуационному стихотворению французского поэта Г. Аполлинера «Zone» («Зона»), написанному в 1912 году, связано с тем, что «само членение стиха выявляет синтаксическое членение строфы (или

стихотворения)» [Николина, 2009, с. 281]. Стремление поэтов к ограниченному использованию пунктуационного маркирования либо к окончательному преодолению его в своем письме вызвано тем, что знаки препинания воспринимаются ими как носители дублирующей информации. Вместе с тем в поисках замены знакам препинания поэты обращаются к таким более выделенным в визуально-перцептивном плане графическим средствам, как, например, вертикальные пробелы разной величины.

Ср. фрагмент стихотворения В. Кривулина «Гул прогресса», где реализованы разные способы пунктуационно-графического маркирования в поэзии:

*из-за леса
гул прогресса*

*ретроградные гудки
от реки*

*ну а вечность — вид с откоса
Фет беседка папираса
вопросительный дымок... [Кр, с. 9].*

Действительно, здесь имеются и пунктуационные маркеры (тире в подоминативном предложении без связи, конечное многоточие), и не маркированные знаками препинания пунктуационные позиции (конец повествовательного высказывания в двух микрострофах, бессюжный ряд однородных членов предложения с перечислительными отношениями), и дважды использованный двойной вертикальный пробел, заменяющий, по-видимому, отсутствующие точки. В двух микрострофах, кроме того, перенос на другую строку способен восполнять собой знаки «тире», которые могли бы указывать на противопоставление темы и ремы, а также подчеркивать сопоставительные отношения на межстрофном уровне. Вместо прописных букв, обозначающих начало предложения (а в поэзии, как правило, и начало стиха), применяются строчные.

В теории пунктуации считается, что текст без знаков препинания в поэзии допустим только в том случае, если в нем «все смыслы эксплицированы и порядок расположения словоформ вполне предсказуем» [Валгина, 2004, с. 249]. Однако нередко в поэзии наблюдается иное: отказ от знаков препинания взаимодействует с «внешней алогичностью построения» [Николина, 2009, с. 281], с неоднозначностью синтаксического членения.

Ср. начало первой строфы из стихотворения Г. Н. Айги «Возвращение страха»:

*дети серебряны цинковы ваши ключицы
рука как Норвегия в книге у маминых щек <...> [А, с. 47].*

Пунктуационное маркирование здесь отсутствует, при этом в первом стихе есть основания для двоякой смысловой интерпретации: краткое прилагательное *серебряны* может быть синтаксически отождествлено и как согласованное определение к обращению, и как включенное в ряд однородных сказуемых при постпозитивном подлежащем. Очевидно, что первый и второй пробелы не соотносятся однозначно с теми или иными конкретными пунктуационными позициями. Подобные прецеденты опровергают мнение о том, что пробел — это всегда «знак, который может быть замещен другим» [Шубина, 2006, с. 197].

В стихотворениях, лишенных знаков препинания, нередко поэты делают ставку на ту информационную «нагрузку», которую могла бы нести визуальная форма текста, и создают визуально-графические фигуры, обретая средства выражения в «текстовых пробелах (textual gaps)» и / или в «нетрадиционном расположении текста» [Barton, 2016, p. 18]. Слова в составе визуально-графической фигуры, продолжая выполнять свою номинативную функцию, становятся элементами визуального образа (или, согласно В. Бону, «строительными блоками в визуальном здании (building blocks in a visual edifice)» [Bohn, 2011, p. 13]). При чтении стихотворения с визуально-графической фигурой сначала воспринимается его визуальная форма, затем осуществляется расшифровка вербального текста и, наконец, обобщается информация, полученная в процессе «взаимодействия текста и визуальной формы (the design) друг с другом» [Там же, p. 15—17].

Ср. одно из стихотворений Вс. Некрасова, где представлена визуально-графическая фигура:

*зима
зима зима
зима зима зима
зима зима зима зима
зима
зима
зима*

и весна [Нек, с. 3].

Стихотворение состоит всего из трех слов: двух имен существительных и одного соединительного союза, причем слово *зима* повторяется 13 раз. Визуально-графическую фигуру создают разные по длине строки, где от одного до четырех раз употребляется слово *зима*, и двойной вертикальный пробел, которым отделяется сочетание *и весна*. Благодаря этой визуально-графической фигуре Вс. Некрасов воплощает образ долгой зимы, причем как бы в разных ее стадиях (от первых заморозков до лютой стужи и далее — к ослаблению холодов), который сменяется образом предощущения весны и ее долгожданного наступления. Визуально-графическая фигура и ее смысловая интерпретация вступают между собой в метафорические отношения.

В прозе, нуждающейся в средствах типизации персонажной речи, обыгрывается тот факт, что намеренное отсутствие знаков препинания способно воссоздать у читающего ощущение речи в быстром темпе, скороговоркой, почти без пауз и на этой основе возбудить представление о характеристической речевой детали. В основном прозаики сознательно отказываются от пунктуационного маркирования при изображении прямой речи тех персонажей, которые находятся в состоянии эмоционального стресса или страдают психическим расстройством. В этих случаях «отсутствие знаков препинания служит одним из механизмов остранения» [Николина, 2009, с. 282]. Ср.: — *Ночная атака на принципе внезапности дайте папиросу, — без запятых ответил Пийчик <...>* (Л. С. Соболев. Рассказы капитана 2-го ранга В. Л. Кирдяги, слышанные от него во время «Великого сиденья») [Соб, с. 170]; «*Ельцин бандит украинка я доченьку единственную убили злые люди Жириновский защитил депутаты проклятые сами жрут от меня в Думе запираются!!!*» — *закричала <...> сумасшедшая* (Т. Н. Толстая. Ряженые) [Тол, с. 90].

Показательно, что в прозе отсутствие пунктуационного маркирования получает метаязыковую «поддержку»: в первом примере обстоятельство образа действия в авторской ремарке указывает на то, что запятые не поставлены по воле писателя и что отказ от запятых существен именно в этой реплике; во втором — в авторской ремарке сообщается о том, кому принадлежит нарратив, который выкрикивается «залпом» и для передачи которого на письме не требуется никаких внутренних знаков препинания, а необходима только графическая код — тройной восклицательный знак.

3.4. Пунктуационное маркирование без вербального сообщения

«Изолированные пунктуационные знаки без слов» [Реформатский, 1963, с. 215] становятся достоянием письменной речи благодаря тому, что знаки препинания получают способность, с одной стороны, замещать вербальные сообщения, а с другой стороны, давать отсылку к их содержатель-

ным и / или собственно пунктуационным характеристикам. В отрыве от вербального сообщения пунктуационное маркирование представлено либо одиночным / комплексным конечным знаком препинания, либо текстом, состоящим исключительно из знаков препинания.

Обычно в качестве одиночных конечных знаков препинания, лишенных вербальной «оснастки», выступают вопросительный и восклицательный знаки, в качестве же комплексных — повтор этих знаков, а также сочетания «вопросительный знак + восклицательный знак» и «вопросительный / восклицательный знак + многоточие». Эти пунктуационные маркеры, обладающие «прозрачностью» значений» [Ицкович и др., 1979, с. 142], могут замещать реплики диалога в художественной прозе. «Реплицирующие знаки препинания» получают свой показатель — тире, посредством которого «подчеркивается функциональное тождество словесных и бессловесных реплик» [Там же, с. 143, 145].

Одним из первых знаки препинания, замещающие одну или несколько реплик в диалоге, использовал А. Белый в романе «Москва под ударом». Ср. концовку диалога, состоявшегося между Иваном Ивановичем и Надей:

Посмотрел на часы:

— Мне — пора-с.

— ?

— Я к Никите Васильевичу [Бел-1, с. 95].

Реплицирующий вопросительный знак указывает на целеустановку высказывания, которое им замещается. Отсутствие вопроса в вербальной форме превращает этот знак препинания в экспонент эмоциональной реакции — удивления. При этом семантические и структурные связи внутри вопросно-ответного единства позволяют «восстановить» реплику Нади: — *Куда вы?*

Ср. также фрагмент диалога Мандро и карлика:

Карлик ощерился: в горле его, клокоча — засипело:

— Ссс...

— Полноте!..

— ссссифилисс...

— !..

— ссом...

— !!

— заразили...

— !!! [Там же, с. 11—12].

Реплицирующие комплексные знаки препинания («восклицательный знак + многоточие», двойной и тройной восклицательный знак) передают эмоционально-действенную реакцию Мандро в ее развитии: прерывая речь

карлика, он все более настойчиво пытается заставить его замолчать. Конкретный смысл этих реплицирующих знаков препинания определяется единственной вербальной репликой (*полноте* ‘довольно, хватит’) персонажа.

Такого рода пунктуационные реплики, являясь исключительной принадлежностью письменной речи, нацелены на сугубо визуальное восприятие. «Правда, Андрей Белый, читая вслух свой роман “Москва под ударом”, где имеются подобные реплики, — вспоминал А. А. Реформатский, — умел их отчетливо и дифференцированно интонировать <...>, но на то он и был Андрей Белый. Это индивидуальное искусство, а не стандартная массовая информация» [Реформатский, 1963, с. 215]. Несмотря на это, реплицирующие знаки препинания сохраняются в арсенале приемов изображения диалога в художественной прозе.

В русской письменно-речевой традиции одним из первых текстов, состоящих только из знаков препинания, стало предисловие к анонимной книжке «Путешествие моего двоюродного братца в карманы» (1803 год), пародирующей созданные в конце XVIII века «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина. Важно отметить, что «пунктуация выступает в данном случае как самодостаточный объект пародии» [Щецова, 2013, с. 189]. Ср.:

!! — — — — !!

?..?..?..?..?..

— — — — —

.....

/?/ !!/ !!/ !!/ !!/

!! — — — — !! [Лот, с. 520].

В пародии пунктуационный текст представлен в форме такой поэтической строфы, как шестистишие, которое организовано одинаковым количеством знаков препинания в разных строках: в 1-й и 6-й строках имеется по 12 знаков препинания, в 2-й и в 5-й — по 15. При этом 6-я строка полностью повторяет 1-ю, что создает кольцевую композицию. Сама же повторяющаяся строка построена по зеркальному принципу: после многоточия знаки препинания даны в обратной последовательности. По-видимому, все это «превращало набор знаков, лишенных словесного наполнения, <...> в осознаваемый и опознаваемый текст» [Щецова, 2013, с. 190].

Знаки препинания, образующие текст пародии, являются излюбленными пунктуационными средствами Н. М. Карамзина, запечатленными в «Письмах русского путешественника» (ср. жанровую аллюзию в названии пародии).

1-я и 6-я строки составлены из двух двойных восклицательных знаков, четырех одиночных либо двух двоекных тире и многоточия, состояще-

го из четырех точек. Письму Н. М. Карамзина свойственно употребление двух восклицательных знаков, идущих подряд: *Девушка в белом корсете, лет двенадцати, подала мне при выходе букет цветов. Это мне очень понравилось. Я изъявил ей свою благодарность двумя грошами!!* [Кар, с. 62]; как одиночного, так и сдвоенного тире (в частности, между предложениями): *Мне опять становится чрезмерно грустно. — Простите! Дай Бог вам утешений! — Помните друга, но без всякого горестного чувства! и Там-то* (в деревенском трактире. — К. С.) *все оставленное мною явилось мне в таком трогательном виде — — Но полно, полно!* [Там же, с. 6]; многоточия, включающего четыре точки: *Я простился с женихом, с невестой — и естли (sic! — К. С.) бы Альпийския (sic! — К. С.) красавицы были не так стыдливы, то, может быть, пришло бы мне на мысль потребовать от нее.... невинного поцелуя!* [Там же, с. 142].

2-я строка составлена из пяти комплексных знаков препинания «вопросительный знак + многоточие», в которых собственно многоточия представлены двумя точками. Показательно, что у Н. М. Карамзина (именно в пародируемом тексте) этот комплексный знак всегда вбирает в себя три точки, не считая нижнего элемента вопросительного знака. Ср.: *Постойте — не найду ли чегонибудь (sic! — К. С.) в записной книжке своей?...* [Там же, с. 72]. Это подтверждается тем, что карамзинское многоточие чаще всего является четырехэлементным. Однако в «Письмах русского путешественника» имеются и многоточия, состоящие из трех точек. Ср.: *Домик у него (у Канта. — К. С.) маленькой (sic! — К. С.), и внутри приборов не много. Все просто, кроме... его Метафизики* [Там же, с. 21]. Вполне возможно, что пародист, обнаруживая здесь некоторую непоследовательность Н. М. Карамзина, исключительно пунктуационными средствами создает иронию.

В 3-й строке представлено либо 8 одиночных тире, либо 4 сдвоенных; в 4-й строке — 16 точек, в которых можно различить 4 многоточия, включающих в свой состав по четыре элемента (ср. иллюстративные примеры выше).

5-я строка составлена из одного вопросительного знака и четырех восклицательных знаков, обрамленных парными косыми чертами. Скорее всего, посредством этих парных знаков указывается на то, что конечные пунктуационные маркеры идут не подряд (в отличие от двойных восклицательных знаков в 1-й и 6-й строках). Ср. у Н. М. Карамзина постановку вопросительного и восклицательного знаков в текстовых «связках» самостоятельных предложений: *Поверите ли, друзья мои, что нынешний вечер причисляю я к щастливейшим (sic! — К. С.) вечерам моей жизни? И пусть теперь доказывают мне, что Изящныя (sic! — К. С.) Искусства*

(sic! — К. С.) не имеют влияния на шастие (sic! — К. С.) наше! Нет, я буду всегда благословлять их действие, пока сердце будет биться в груди моей — пока будет оно чувствительно! [Там же, с. 40].

В пародии особый акцент Н. М. Карамзина-сентименталиста на таких пунктуационных маркерах, как вопросительный и восклицательный знаки, тире и многоточие, получил «гипертрофированное» выражение [Щецова, 2013, с. 195], приведшее к отказу от вербального текста и к «сгущению» именно этих пунктуационных маркеров, которые ассоциировались с чувствительно-эмоциональной манерой письма Н. М. Карамзина у его современников.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование пунктуационно-графических фактов индивидуально-авторского характера позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, в письменной речи выработаны три типа функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования. Эти типы вовсе не представляют собой разрозненные явления. Напротив, в них отображены разные формы участия пунктуации в графической «упаковке» письменных высказываний.

Во-вторых, дифференциация функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования опирается на различное распределение в письменных высказываниях основной информации, передаваемой вербальными средствами, и дополнительной информации, выражаемой благодаря пунктуационным маркерам.

В-третьих, смысловая интерпретация письменных высказываний, намеренно оставленных без знаков препинания и, наоборот, образованных только из знаков препинания, чаще всего осуществляется как бы на фоне подразумеваемых вербальных сообщений с пунктуационным маркированием.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов.
2. А — *Айги Г. Н.* Здесь : Избранные стихотворения. 1954—1988 / Г. Н. Айги. — Москва : Современник, 1991. — 287 с. — ISBN 5-270-00931-5.
3. Бел-1 — *Белый А.* Москва под ударом / А. Белый. — Москва : Артель писателей «Круг», 1926. — 248 с.
4. Бел-2 — *Белый А.* Петербург. 2-е изд. / А. Белый. — Санкт-Петербург : Наука, 2004. — 699 с. — ISBN 5-02-026981-6.
5. Бит — *Битов А. Г.* Обоснованная ревность : повести / А. Г. Битов. — Москва : АСТ ; Редакция Елены Шубиной, 2022. — 491 с. — ISBN 978-5-17-148286-2.

6. Бул — *Булгаков М. А.* Собрание сочинений. В 5 т. / М. А. Булгаков. — Москва : Художественная литература, 1989. — Т. 1. — 623 с. — ISBN 5-280-00759-5.
7. Кар — *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин. — Ленинград : Наука, 1984. — 717 с.
8. Кр — *Кривулин В.* Стихи после стихов / В. Кривулин. — Санкт-Петербург : Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2001. — 144 с. — ISBN 5-86789-135-6.
9. Куз — *Кузнецова Ю. Н.* Как я пишу / Ю. Н. Кузнецова. — Москва : КомпасГид, 2018. — 176 с. — ISBN 978-5-00083-438-1.
10. Лот — *Лотман Ю. М.* Текстологические принципы издания / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. — Ленинград : Наука, 1984. — С. 516—524.
11. Мат — *Матвеева Н. Н.* Мяч, оставшийся в небе : Автобиографическая проза. Стихи / Н. Н. Матвеева. — Москва : Молодая гвардия, 2006. — 639 с. — ISBN 5-235-02859-7.
12. Нек — *Некрасов Вс.* Стихотворения. 2-е изд. / Вс. Некрасов. — Новосибирск : Артель «Напрасный труд», 2002. — 64 с.
13. Ник — *Никифорова О. И.* Психология восприятия художественной литературы / О. И. Никифорова. — Москва : Книга, 1972. — 152 с.
14. Поз — *Позов А.* Метафизика Лермонтова / А. С. Позов. — Madrid : Ediciones Castilla, 1975. — 202 с. — ISBN 84-399-3626-5.
15. Соб — *Соболев Л. С.* Морская душа : Рассказы / Л. С. Соболев. — Киев : Радянська школа, 1988. — 445 с. — ISBN 5-330-00285-0.
16. Сор — *Сорокин В. Г.* Очередь / В. Г. Сорокин. — Москва : АСТ ; CORPUS, 2021. — 256 с. — ISBN 978-5-17-108518-6.
17. Тол — *Толстая Т. Н.* Войлочный век / Т. Н. Толстая. — Москва : АСТ ; Редакция Елены Шубиной, 2015. — 352 с. — ISBN 978-5-17-086710-3.

Литература

1. *Богоявленская Ю. В.* Парцелляция в русском и французском языках : опыт сопоставительного когнитивно-семиотического исследования / Ю. В. Богоявленская ; 2-е изд. — Екатеринбург : УрФУ, 2021. — 214 с. — ISBN 978-5-7996-3289-2.
2. *Валгина Н. С.* Актуальные проблемы современной русской пунктуации / Н. С. Валгина. — Москва : Высшая школа, 2004. — 259 с. — ISBN 5-06-004937-X.
3. *Гальперин И. Р.* Избранные труды / И. Р. Гальперин. — Москва : Высшая школа, 2005. — 255 с. — ISBN 5-06-004962-0.
4. *Ицкович В. А.* Знаки препинания как реплики диалога / В. А. Ицкович, Б. С. Шварцкопф // Современная русская пунктуация / отв. ред. Л. И. Скворцов. — Москва : Наука, 1979. — С. 141—158.
5. *Кольцова Л. М.* Пунктуационный эксперимент в художественном тексте / Л. М. Кольцова. — Воронеж : ВГУ, 2006. — 194 с. — ISBN 5-9273-10-94-X.
6. *Кузнецова Н. В.* Отсутствие запятой между подлежащим и сказуемым : самоочевидная норма или лакуна в правилах? / Н. В. Кузнецова // Мир русского слова. — 2017. — № 3. — С. 14—19.
7. *Мурзин Л. Н.* Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. — Свердловск : УрГУ, 1991. — 172 с. — ISBN 5-7525-0139-3.
8. *Николина Н. А.* Активные процессы в языке современной русской художественной литературы / Н. А. Николина. — Москва : Гнозис, 2009. — 336 с. — ISBN 5-8163-0077-4.

9. Орехова Н. Н. Пунктуация и письмо (на материале русского и английского языков) / Н. Н. Орехова. — Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2000. — 216 с. — ISBN 5-93008-027-5.

10. Реформатский А. А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем / А. А. Реформатский // Исследования по структурной типологии / Отв. ред. Т. Н. Молошная. — Москва : Институт славяноведения АН СССР, 1963. — С. 208—215.

11. Садченко В. Т. Вторичный семиозис в художественном тексте / В. Т. Садченко. — Хабаровск : ДВГТУ, 2009. — 242 с.

12. Шубина Н. Л. Пунктуация современного русского языка / Н. Л. Шубина. — Москва : Академия, 2006. — 256 с. — ISBN 5-7695-2881-8.

13. Щецова Т. Г. Пародийное отражение пунктуационного узуса Н. М. Карамзина / Т. Г. Щецова // Художественный текст : структура, семантика, стилистика. — Москва : МГГУ им. М. А. Шолохова, 2013. — С. 188—197. — ISBN 978-5-8288-1429-9.

14. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — Ленинград : Наука, 1974. — 428 с.

15. Barton S. Visual devices in contemporary prose fiction : Gaps, gestures, images / S. Barton. — New York : Palgrave Macmillan, 2016. — 202 p. — ISBN 978-1-349-58025-5.

16. Bertuccelli M. The cognitive complexity of punctuation / M. Bertuccelli // *Lingue e linguaggi*. — 2022. — Vol. 54. — Pp. 15—29. — DOI: 10.1285/i22390359v54p15.

17. Bohn W. Reading visual poetry / W. Bohn. — Madison ; Teaneck : Fairleigh Dickinson University Press, 2011. — 176 p. — ISBN 978-1-61147-062-8.

18. Patt S. Punctuation as a means of medium-dependent presentation structure in English. Exploring the guide functions of punctuation / S. Patt. — Tübingen : Narr Verlag, 2013. — 299 p. — ISBN 978-3-8233-6753-6.

19. Saenger P. H. Space between words : the origins of silent reading / P. H. Saenger. — Stanford : Stanford University Press, 1997. — 480 p. — ISBN 0-8047-2653-1.

20. Smitterberg E. Non-correlative commas between subjects and verbs in nineteenth-century private letters and scientific texts / E. Smitterberg // *Punctuation in context — past and present perspectives*. — Bern : Peter Lang, 2020. — Pp. 23—45. — ISBN 978-3-0343-3790-8.

*Статья поступила в редакцию 29.08.2024,
одобрена после рецензирования 17.12.2024,
подготовлена к публикации 02.01.2025.*

Material resources

A — Aygi, G. N. (1991). *Here: Selected poems. 1954—1988*. Moscow: Sovremennik Publ. 287 p. ISBN 5-270-00931-5. (In Russ.).

AA — *Archive of authors*. (In Russ.).

Bel-1 — Belyy, A. (1926). *Moscow is under attack*. Moscow: Krug Writer's Artel. 248 p. (In Russ.).

Bel-2 — Belyy, A. (2004). *Petersburg. 2nd ed.* Saint Petersburg: Nauka Publ. 699 p. ISBN 5-02-026981-6. (In Russ.).

Bit — Bitov, A. G. (2022). *Justified jealousy: stories*. Moscow: AST; Edited by Elena Shubina. 491 p. ISBN 978-5-17-148286-2. (In Russ.).

Bul — Bulgakov, M. A. (1989). *Collected works. In 5 volumes, 1.* Moscow: Fiction. 623 p. ISBN 5-280-00759-5. (In Russ.).

- Kar — Karamzin, N. M. (1984). *Letters of a Russian traveler*. Leningrad: Nauka Publ. 717 p. (In Russ.).
- Kr — Krivulin, V. (2001). *Poems after poems*. St. Petersburg: Blitz. 144 p. ISBN 5-86789-135-6. (In Russ.).
- Kuz — Kuznetsova, Yu. N. (2018). *How I write*. Moscow: KompasGid. 176 p. ISBN 978-5-00083-438-1. (In Russ.).
- Lot — Lotman, Yu. M., Uspensky, B. A. (1984). Textual principles of publication. In: *Karamzin N. M. Letters of a Russian traveler*. Leningrad: Nauka Publ. 516—524. (In Russ.).
- Mat — Matveeva, N. N. (2006). *The ball left in the sky: Autobiographical prose*. Poems. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. 639 p. ISBN 5-235-02859-7. (In Russ.).
- Nek — Nekrasov, Vs. (2002). *Poems. 2nd ed.* Novosibirsk: Vain Labor. 64 p. (In Russ.).
- Nik — Nikiforova, O. I. (1972). *Psychology of perception of fiction*. Moscow: Book. 152 p. (In Russ.).
- Poz — Pozov, A. S. (1975). *Metaphysics of Lermontov*. Madrid: Ediciones Castilla. 202 p. ISBN 84-399-3626-5. (In Russ.).
- Sob — Sobolev, L. S. (1988). *Sea soul: Stories*. Kiev: Radyanka school. 445 p. ISBN 5-330-00285-0. (In Russ.).
- Sor — Sorokin, V. G. (2021). *Queue*. Moscow: AST; CORPUS. 256 p. ISBN 978-5-17-108518-6. (In Russ.).
- Tol — Tolstaya, T. N. (2015). *The felt age*. Moscow: AST. 352 p. ISBN 978-5-17-086710-3. (In Russ.).

References

- Barton, S. (2016). *Visual devices in contemporary prose fiction: Gaps, gestures, images*. New York: Palgrave Macmillan. 202 p. ISBN 978-1-349-58025-5.
- Bertuccelli, M. (2022). The cognitive complexity of punctuation. *Lingue e linguaggi*, 54: 15—29. DOI: 10.1285/i22390359v54p15.
- Bogoyavlenskaya, Yu. V. (2021). *Parcelling in Russian and French: the experience of comparative cognitive-semiotic research. 2nd ed.* Yekaterinburg: UrFU. 214 p. ISBN 978-5-7996-3289-2. (In Russ.).
- Bohn, W. (2011). *Reading visual poetry*. Madison; Teaneck: Fairleigh Dickinson University Press. 176 p. ISBN 978-1-61147-062-8.
- Galperin, I. R. (2005). *Selected works*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 255 p. ISBN 5-06-004962-0. (In Russ.).
- Itskovich, V. A., Schwarzkopf, B. S. (1979). Punctuation marks as dialogue replicas. In: *Modern Russian punctuation*. Moscow: Nauka Publ. 141—158. (In Russ.).
- Koltsova, L. M. (2006). *Punctuation experiment in a literary text*. Voronezh: VSU. 194 p. ISBN 5-9273-10-94-X. (In Russ.).
- Kuznetsova, N. V. (2017). The absence of a comma between the subject and the predicate: a self-evident norm or a lacuna in the rules? *The world of the Russian word*, 3: 14—19. (In Russ.).
- Murzin, L. N. (1991). *Text and its perception*. Sverdlovsk: USU. 172 p. ISBN 5-7525-0139-3. (In Russ.).
- Nikolina, N. A. (2009). *Active processes in the language of modern Russian fiction*. Moscow: Gnosis. 336 p. ISBN 5-8163-0077-4. (In Russ.).
- Orehkova, N. N. (2000). *Punctuation and writing (based on the material of Russian and English languages)*. Izhevsk: Udmurt University Publishing House. 216 p. ISBN 5-93008-027-5. (In Russ.).

- Patt, S. (2013). *Punctuation as a means of medium-dependent presentation structure in English. Exploring the guide functions of punctuation*. Tübingen: Narr Verlag. 299 p. ISBN 978-3-8233-6753-6.
- Reformatsky, A. A. (1963). On recoding and transformation of communicative systems. In: *Research on structural typology*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the USSR Academy of Sciences. 208—215. (In Russ.).
- Sadchenko, V. T. (2009). *Secondary semiosis in a literary text*. Khabarovsk: DVGGU. 242 p. (In Russ.).
- Saenger, P. H. (1997). *Space between words: the origins of silent reading*. Stanford: Stanford University Press. 480 p. ISBN 0-8047-2653-1.
- Shcherba, L. V. (1974). *Language system and speech activity*. Leningrad: Nauka Publ. 428 p. (In Russ.).
- Shchetsova, T. G. (2013). Parodic reflection of punctuation usage by N. M. Karamzin. In: *Literary text: structure, semantics, stylistics*. Moscow: M. A. Sholokhov Moscow State University. 188—197. ISBN 978-5-8288-1429-9. (In Russ.).
- Shubina, N. L. (2006). Punctuation of the modern Russian language. Moscow: Akademiya Publ. 256 p. ISBN 5-7695-2881-8. (In Russ.).
- Smutterberg, E. (2020). Non-correlative commas between subjects and verbs in nineteenth-century private letters and scientific texts. In: *Punctuation in context — past and present perspectives*. Bern: Peter Lang. 23—45. ISBN 978-3-0343-3790-8.
- Valgina, N. S. (2004). *Actual problems of modern Russian punctuation*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 259 p. ISBN 5-06-004937-X. (In Russ.).

*The article was submitted 29.08.2024;
approved after reviewing 17.12.2024;
accepted for publication 02.01.2025.*